

Эссе

Е. Л. Яковлева

Яковлева Елена Людвиговна (Казань, Россия) — доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин «Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова»; Email: mifoigra@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕВОЗВРАТНОМ, ИЛИ ПОПЫТКА ВЗРОСЛОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА ДЕТСТВА

Объектом исследования стал мир детства, представленный в философской притче «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Автобиографичность произведения и пронесенный через всю жизнь кристалл детства помогли французскому летчику великолепно схватить в динамике жизнь ребенка, раскрыв широкую панораму детских проблем, сопряженных с ними чувств и эмоций. Миру детства присуще собственное отношение ко всему происходящему, основанное на непосредственности, интуитивности, мечтательности, фантазийности, алогичности и желании понять. В мире детства нет точных знаний и расчетов, возможно, поэтому в нем имеет место чудесное и необычное. Именно ребенок, несмотря на малый жизненный опыт и небольшое количество знаний, оказывается способным ощутить многогранность и противоречивость метафизических символов. Обращение к миру детства во взрослом состоянии как своеобразная ретроспекция помогает вернуть равновесие и гармонию, учит ценить жизнь и нравственно относиться к ней.

Ключевые слова: маленький принц, Антуан де Сент-Экзюпери, детство, кристалл детства, символ, Я-ребенок, Я-взрослый, дружба, Лис, расставание

E. Iakovleva

Elena Iakovleva (Kazan, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences, PhD in Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Political Disciplines of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; Email: mifoigra@mail.ru

MEMORIES OF THE TRANSIENT, OR AN ADULT'S ATTEMPT TO ASSESS THE WORLD OF CHILDHOOD

The research object is the world of childhood represented in a philosophical parable “The Little Prince” by Antoine de Saint-Exupery. The autobiographical nature of the work and the crystal of childhood, retained through the whole life, helped the French aviator to perfectly capture the child's life in dynamics, reveal the wide range of problems and feelings and emotions connected with them. The world of childhood typically has its own attitude to the events, which is based on immediatism, intuitivism, dreaminess, alogism and wish to understand. In the world of childhood, there is no exact knowledge and there are no calculations, probably that's why there is place for fantastic and unusual things. A child, despite his small life experience and little knowledge, is able to feel the complexity and inconsistency of metaphysical symbols. Adult's reference to the world of childhood as a sort of retrospection helps bring back balance and harmony, value life and treat it morally.

Keywords: Little Prince, Antoine de Saint-Exupery, childhood, childhood crystal, symbol, I-child, I-adult, friendship, Fox, parting

В 1959 году в Советском Союзе в периодическом журнале «Москва» был опубликован «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Эта незатейливая философская притча, написанная в 40-е гг. XX века, привлекла внимание не только взрослой, но и детской аудитории. Каждая категория читателей произведения французского военного летчика осуществила собственную интерпретацию,

либо погружаясь в воспоминания о невозвратном, либо сопереживая и фантазируя о судьбе главного героя. Как мы считаем, А. де Сент-Экзюпери в своем произведении великолепно смог передать внутренний мир ребенка и детское мировидение через призму собственного Я, чему во многом способствовал сохраненный им «кристалл детства» (В. Вульф).

В связи с перечисленным, в работе осуществляется попытка интерпретации произведения Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» с точки зрения взрослого взгляда на мир детства, восстанавливающая/возрождающая в душе кристалл детства. В качестве основных методов исследования выступают аналитический, диалектический, герменевтический и феноменологический, помогающие всестороннему погружению в проблему для осуществления поставленной цели.

Все мы *родом из детства* — удивительного мира, обладающего колоссальным потенциалом, способствующим закладыванию значимых качеств и символов, проносимых личностью через всю свою жизнь. Мир детства — это мир фантазий и чудес, мечтаний и сбываний, неизвестно каким образом. Детство обладает своей оптикой мировидения, радужно-калейдоскопичный ряд которого создается посредством бессознательных импульсов, воображения, ярких вспышек эмоций, непосредственности, алогичности, замешанной на абсурде и нонсенсе. В итоге рождается уникальное эфемерное пространство, удержать которое как в памяти, так и на протяжении жизни удастся немногим, можно сказать — избранным, среди них был и А. де Сент-Экзюпери.

Философская притча французского летчика насыщена символами, несущими в себе энергичные заряды того, чего не хватает человеку во взрослой жизни, и связанными с искренностью и чистотой человеческих взаимоотношений, чуждых искусственности и лицемерия. Символы притчи не только многозначны, но порой и противоречивы: они включают в себя полярные понятия и ценности (среди них добро и зло, жизнь и смерть), что позволяет говорить об их философичности. Для объяснения многогранности и противоречивости символов В. Б. Иорданский вводит понятие «зернистости», подразумевая под ним соединение «в единых рамках различных "зерен" мыслеобраза», где каждое «зерно» обладает «собственной динамикой противоречивого развития», позволяя «из одного архаического коллективного представления... вырастать целому пучку новых образов, идущих в разных, а то и противоположных направлениях» [1, с. 33–34]. Возможно, поэтому символы имеют множество противоположных значений. Более того, символы интерпретируемого нами произведения взаимосвязаны между собой, что придает небольшому шедевру А. Экзюпери цельность и гармонию.

Говоря о детской оптике мировидения в произведении, подчеркнем следующие моменты, великолепно переданные писателем.

Мир детства — это *особый мир*, ускользающий при взрослении и исчезающий совсем во взрослом состоянии. Вспомним эпизод расставания летчика и Маленького принца, изначально проявившийся как предчувствие неотвратимого и неизбежного: «все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, его затягивает бездна, и я не в силах его удержать... И опять меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется?» [2, с. 82, 84]. Детство ускользает неслышно, «загадочно и непостижимо», вызывая неощутимо-болезненное состояние смены старой оболочки как потери. При желании отблески потери можно обнаружить в сновидениях, творческих порывах, пограничных ситуациях (в том числе, уходе из жизни близких людей, связанных с личным миром детства), неожиданных воспоминаниях и оставшихся атрибутах детства. Личность может продлить свое детство благодаря любящим родителям: пока у индивида они есть, пусть иллюзорно, но его детство продолжается даже во взрослом состоянии. К сожалению, осознание этого приходит нередко поздно, при столкновении со смертью как *Никогда*. Более того, завеса детства приоткрывается при появлении собственного ребенка, генетически и бессознательно повторяющего взрослое Я в своих проявлениях: это копия определенной доли Я, позволяющая с новых позиций и личного опыта объяснить проявленность/про-явленность себя и ребенка в бытии, хотя бы частично понять и интерпретировать, включая потаенное.

Судя по «Маленькому принцу», его содержанию и стилю изложения, Экзюпери, несмотря на свою суровую профессию, оставался ребенком всю жизнь, умело перевоплощаясь, в зависимости от

жизненных обстоятельств, то в *Я-ребенка*, позволяющего говорить об удавах, джунглях и звездах, то в *Я-взрослого*, говорящего с равными «об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках» [2, с. 8]. Присутствие детскости во взрослой жизни осложняет процесс коммуницирования, делая личность одинокой. Неслучайно автор с грустью пишет: «так я и жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам» [2, с. 9]. Наш акцент на проблеме одиночества неслучаен: личность нуждается в пространствах одиночества и молчания, позволяющих погрузиться в себя и осмыслить окружающее/происходящее. В этом отношении одиночество являет позитивный модус *собирая себя*, определения мира собственных ценностей и вектора развития.

Именно *остановка в пустыне*, связанная с поломкой самолета как метафорой затруднительной ситуации, стала «точкой сборки» героя, который, расщепив себя на *Я-взрослого* и *Я-ребенка*, смог впоследствии продолжить свой путь в бытии. При этом *символ пустыни* важен в контексте нашего рассуждения. Пустыня, где осложнен поиск воды как источника жизни, олицетворяет обездушенный (обезвоженный) мир, в котором проявляют себя эгоизм и отчужденность. В этом мире человек — песчинка, мельчайшая и незаметная/никем не замеченная, что доставляет ей страдания. Вспомним, змея как символ мудрости, вводя маленького героя в мир людей, подчеркивает его пустынную и одиночку: «среди людей тоже одиноко» [2, с. 58]. Сам маленький герой впоследствии испытал в полном объеме земное одиночество, пребывая в течение года в пустыне. Даже горы не открыли ему «всю планету и всех людей»: он «увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы», среди которых бродило эхо [2, с. 61]. Картина, увиденная глазами ребенка, оставила странное впечатление сухости и игольчатости *присутствующего отсутствия* людей, у которых «не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь...» [2, с. 62]. В этом замечании вуалировано прочитывается ситуация, связанная с потерей личностью самодостаточности и рефлексивности, в результате чего она становится покорным объектом манипуляционных тактик.

Несмотря на это, ребенок воспринимает пустыню эстетично, улавливая в ней одухотворенное начало. Как замечает Маленький принц, «пустыня красивая» [2, с. 75]. И с ним согласен летчик, понимающий важность бытия в социальном и среди людей: «мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же тишина словно лучится...» [2, с. 76]. При осознании кризисности социального, метафорически выраженной в тишине и невидимости, пессимистично подобная ситуация не воспринимается, потому что духовность «лучится», а значит при сосредоточении внимания на данной составляющей метафизики личности луч пробьет себе дорогу в мироздании. И эту идею интуитивно улавливает принц, понимая, что «где-то в ней (пустыне — авт.) скрываются родники...» [2, с. 76].

Не менее важным является и *символ ребенка*, связанный с фантазийным/миражным видением/воспоминанием *Я-взрослым Я-ребенка*. Этот символ помогает преодолеть кризис, возвращая *Я-взрослого* к чистоте мировосприятия. Ввиду того, что многие исследователи считают произведение автобиографичным, то раздвоение на *Я-ребенка* и *Я-взрослого* позволяет говорить о том, что главные герои произведения — Маленький принц и летчик — представляют собой две стороны единого образа писателя, который в виртуальной Сахаре, месте вынужденной посадки самолета, смог уединиться и побыть наедине с *самим-собой-настоящим*, с искренней любовью ностальгируя по безвозвратно ушедшему детству и даже опять приблизившись к нему. Вынужденная остановка в бытии стала своеобразным живительным источником, гармонизирующим самость: «я должен был исправить мотор или погибнуть» [2, с. 9]. Для *Я-взрослого* А. Экзюпери мир *Я-ребенка* представляет собой некий далекий идеал, существующий в первозданной чистоте, неизменности и при этом недостижимости. Вспомним авторский комментарий по отношению к принцу, а если шире — миру детства, проникнутый особой грустью: «как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...» [2, с. 28]. Действительно, мир детства — это непостижимый мир слез, неожиданных, горьких, значимых... Каждая капля в детстве — достойна золотого слитка, потому что слезинки дети роняют по значимым для них событиям.

В художественно представленном раздвоении личности, не имеющем патологической природы, метафорически передано разделение бытия на реальное, представленное *Я-взрослым*, и идеальное,

воплощаемое в Я-ребенке. Оба бытия взаимосвязаны между собой. Другое дело, что, становясь взрослым, мир мечты отходит на второй план или забывается, погружая личность в рутину и невозможность/нежелание принятия и воплощения идеального.

Неожиданная встреча с Я-ребенком пробуждает особые трепетные чувства, заставляя через прожитый опыт более трепетно относиться к безвозвратно потерянному. Мир детства, как светильники, хрупок, их «надо беречь: порыв ветра может их погасить» [2, с. 76]. Метафора детства как светильника важна: свет детства человек незримо пронесит через всю свою жизнь, воплощая мечты, скрывая/борясь с комплексами, реализуя Я.

Вспомним трогательное отношение летчика к обретенному детству, возможно, — миражу в пустыне, но именно Я-ребенок помог Я-взрослому выжить, найдя источник воды и исправив поломку. «Я был взволнован. Мне казалось — я нес хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...» [2, с. 76].

В небольшом вступлении к своей философской притче, посвященной другу Леону Верту, «когда он был маленьким», Экзюпери показывает свое трепетное отношение к миру детства, через который прошел каждый человек. Другое дело, что одни люди на всю жизнь сохраняют в себе «кристалл детства», благодаря чему способны понимать и интерпретировать этот мир и язык; другие — входят в мир взрослых, забывая о своем детстве или не испытывая желания в силу каких-либо обстоятельств вспоминать о нем, гордясь своей значимостью в мире взрослых со своими серьезными проблемами. Заметим, не менее серьезные проблемы встают и в мире детства, на что пытался указать писатель. Но здесь совершенно иная оптика видения — детская, сопровождаемая непосредственностью, чистотой взгляда, малым опытом, креативностью и фантазийностью. Вспомним рисунок главного героя № 1, на котором взрослые увидели шляпу, а глазами ребенка — «это был удав, который проглотил слона», для чего он «нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее» [2, с. 8]. Приведенный пример наглядно показывает непроницаемую отчужденность мира детей и мира взрослых: «взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать» [2, с. 8]. Непроницаемость мира детства и взрослых затрудняет коммуникацию между ними, тем самым вводя определенные ограничения. Так, в рассуждениях героя читаем: «взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: "А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?" Они спрашивают: "Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?" И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: "Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби", — они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: "Я видел дом за сто тысяч франков", — и тогда они восклицают: "Какая красота!"» [2, с. 17]. Взрослые, в отличие от детей, не способны «увидеть барашка сквозь стенки ящика» [2, с. 18]. При этом ребенок толерантен, понимая, что «такой народ эти взрослые», поэтому «не стоит на них сердиться. Дети должны быть снисходительны к взрослым» [2, с. 18].

Жизнь ребенка — это проявления его сердца, а значит — чувств, эмоций, преданности и верности, пронесенных через свою духовность, которая оказывается в бодрствующем состоянии, впоследствии теряясь. Вспомним детский смех — «точно родник в пустыне» [2, с. 84] — звонкий/чистый/хрустальный. Сохранить в памяти и пронести через всю жизнь смех ребенка — величайший подарок бытия.

Мир детства обладает своеобразной оптикой, опирающейся на бессознательное, интуитивное, фантазийное и мифическое. Синкретичность перечисленных компонентов рождает по-детски абсурдное/нелепое/алогичное, которое трудно поддается интерпретации с позиций взрослости. Так, в этом мире может лучиться песок от спрятанного в нем клада, рождая заколдованное бытие и наличие тщательно оберегаемой тайны. В окружающем мире каждая его частица становится самой прекрасной, скрывая «то, чего не увидишь глазами» [2, с. 76]. В этом мире нарисованный барашек оживает,

поэтому настоящая роза нуждается в охране от него, что требует еще и нарисованного намордника. В детстве миры реальные и фантазийные накладываются друг на друга, сосуществуя вместе и при необходимости примиряясь между собой посредством воображения. Непонятные в глазах взрослых рисунки и схемы оказываются великолепно интерпретируемыми детьми.

В мире детства нет точных знаний и расчетов, это мир непосредственной веры в чудо. Вспомним рассуждения Маленького принца о количестве людей: «люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в ширину. Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане» [2, с. 57]. Ни одному взрослому не придет в голову таким образом сконцентрировать людей: «они воображают, что занимают очень много места», тем самым показывая свою значимость и величественность [2, с. 57].

Мир детства — это не только особое пространство, но и *особое протекание времени* в этом пространстве. Оно становится бесконечным, но... вдруг неожиданно прерывается и больше никогда не возвращается. Где проходит демаркационная граница между временем детским и взрослым, никто не знает: у каждой личности свой темпоритм. Другое дело — отношение ко времени у детей и взрослых. Дети благодаря своей инклюзивности как включенности в бытие задействуют в своем пространстве каждое мгновение, интересуясь всем на свете и впитывая информацию. Взрослые инертны, у них «уже не хватает времени что-либо узнать» [2, с. 67].

Еще одно качество, великолепно схваченное Экзюпери, связано с бесконечными детскими вопрошаниями: почему? как? зачем? Принц постоянно задает вопросы, приставая к летчику, его интересует все: «спросив о чем-нибудь, он не отступался, пока не получал ответа» [1, с. 43]. Мир взрослых протекает в спящем режиме и по инерции: они «ничего не хотят... Они спят в вагонах или просто сидят и зевают» [2, с. 73]. Проживая жизнь на большой скорости, люди «сами не понимают, чего ищут... Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую... И все напрасно...» [2, с. 78]. В отличие от них, дети деятельны, о чем свидетельствует их любопытство: «дети прижимаются носами к окнам», потому что «знают, что ищут» [2, с. 73]. В жизни детей присутствует смысл, задающий целенаправленный вектор движения, пусть даже и ризоматичного.

В мире детства огромное значение имеют привязанности, и одной из них является *дружба*. Для Я-взрослого в притче А. Экзюпери — это важная ценность. Неслучайно по прошествии шести лет после приключения в пустыне его сердце «больно сжимается» при воспоминании о принце, заставляя констатировать факт: «очень печально, когда забывают друзей» [2, с. 18].

Важным персонажем в развитии линии дружбы является Лис, олицетворяющий земную мудрость, возвращенную на опыте. Подчеркнем, технике приручения, связанной с созданием уз, героя научил Лис: «Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен... Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...» [2, с. 66]. Техника приручения в глазах взрослого человека выглядит, безусловно, странной, но ребенок-принц воспринимает ее серьезно, точно следуя инструкциям Лиса. Для осуществления приручения необходимо «запасть терпением», приходя в одно и то же время: «сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе» [2, с. 67]. Точность исполнения правил важна в детском мире: их нарушение разрушает постоянно создаваемые (воображаемые/виртуальные) детские миры. Подобное рождает серьезность настроения. В процессе приручения точность прихода создает особое энергично-эмпативное напряжение между людьми: «если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее... А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды» [2, с. 68]. При этом обрядовость в детском мире несет в себе потерянную взрослыми сакральность и святость каждого мгновения бытия.

Процесс приручения связан с расширением мирознания и миропонимания, рождая культуру соучастия и эмпативность. Словами Лиса подобное было выражено следующим образом: «если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других., твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища... Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...» [2, с. 67].

Именно Лис делает справедливое замечание: взрослые «покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей» [2, с. 67]. Приведенное рассуждение становится актуальным в современном пространстве гламурного социального, где принцип потребления связан не только с вещами, но и потребительским отношением к взаимоотношениям между людьми. В связи с этим Лис наставляет принца: «зорко одно лишь сердце., ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [2, с. 72].

Особое место в притче занимает *тема расставания*, которая наиболее остро ощущается в детстве и связана с детством. Любое расставание служит для ребенка колоссальным жизненным опытом, оставляя надолго память о случившемся. При этом, внешне ребенок может даже не показывать вида о своей грусти/трагедии/боли, погружаясь в свои игры и решение глобально-детских проблем. Но неожиданно в его речи может мелькнуть даже не текст, а фраза, выдающая его трепетные чувства и память о случившемся эпизоде, нередко сопровождающуюся слезами — слезами его души: «когда даешь себя приручить, потом случается и плакать» [2, с. 80]. Подчеркнем, слезы свидетельствуют не только о том, что плохо, но и том, что хорошо, тем самым просветляя жизнь и освобождая от тяжести душу.

В произведении Экзюпери тему расставания можно назвать обрамляющей, в результате чего можно говорить, что мы имеем дело с кольцевой композицией. Рассказ маленького принца начинается с расставания с капризной розой на своей планете, а заканчивается расставанием с Лисом и летчиком на Земле. В рамках этого обрамления миссия принца была выполнена. Во-первых, он благодаря Лису научился принципам нравственной коммуникации, связанной с пониманием дружбы и любви, основанных на приручении и ответственности за себя и другого. Во-вторых, принц как Я-ребенок помог Я-взрослому обрести («вопреки всем ожиданиям») себя, восстановив цельность натуры и разрешив кризисность бытия («я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой» [2, с. 82], где дом олицетворяет гармоничное бытие Я).

В заключение отметим следующие моменты. Детство — это особый мир, *себя-в-себе-самопоказывающий-и-открывающий*. В этом мире побывал каждый человек, но не каждый помнит его в деталях и может проанализировать во взрослом состоянии с позиций *себя-маленького*. Антуан де Сент-Экзюпери смог великолепно художественно передать атмосферу мира детства, приоткрыв оптику его мировидения, тем самым способствуя процессу рефлексивной ретроспекции у взрослых реципиентов. Не последнюю роль в этом сыграл язык философской притчи, представляющий собой виртуозную стилизацию детской речи: в ней мы встречаем маленькие предложения с отрывистыми фразами, обладающие эмоциональной окрашенностью и непосредственностью. Сама речь принца изобилует вопросами, являя собой детскую любознательность, желание знать и при этом с собственных позиций интерпретировать услышанное/увиденное. Вспомним, поломка самолета была отнесена принцем к разряду забавных падений с неба.

Обращает на себя внимание еще одна особенность произведения — наличие рисунков самого автора, органично дополняющих текст. Рисунки А. де Сент-Экзюпери имеют нарочито детский характер с элементами символизации и схематизации. Вспомним, при первой встрече маленький принц попросил героя нарисовать барашка и после неудачных попыток герой нарисовал ящик, в котором (будто бы) сидит барашек, что было с восторгом принято принцем, мгновенно вообразившим в ящике уснувшего барашка. Принц мог бесконечно разглядывать нарисованный ящик, созерцая в нем свое сокровище — нарисованного животного, позволяющего ему быть не одному и фантазировать.

А. Экзюпери, сохранив в себе Я-ребенка, сумел показать сущность детского мира, где значимыми и актуальными являются следующие черты. Мир детства нравственен по своей природе: в нем моментально, практически интуитивно, вскрывается чистота/злокачественность ситуации. Колоссальная любовь к жизни, проявляемая в любопытстве и заинтересованности, свидетельствует об инклюзивности ребенка как включенного в бытие человека, имеющего свою оптику мировидения и собственную точку зрения на окружающий мир, являя его Другость по отношению к взрослости. В мире детства все человечно и очеловечено, а значит — одухотворенно, что высвечивает трепетное отношение на основе принципа «не навреди». Правила мира детства незыблемы и абсолютны, поэтому ребенок воспринимает даже игровой мир как серьезный, строго следуя последовательности обрядовости и неся ответственность за содеянное.

Ушедшее детство для чувствующей и рефлексирующей личности остается где-то в пространстве вечности/небытия — на другой планете, астероиде Б-612 величиной с дом (откуда прибыл маленький принц), не поддающейся возврату и нередко адекватной интерпретации. Но в детстве сосредоточены мощные стимулы дальнейшего самопроявления, возврат к которым не является показателем деградации, а наоборот — выступает живительным истоком. Вспомним романтические томления по идеалу, служащие импульсом для духовных поисков. Возможно, приближение к идеалу можно осуществить в конце человеческой жизни — старости. Но здесь необходимо сделать ряд оговорок. С одной стороны, проявление детства в старости свидетельствует о патологическом состоянии личности — деменции. С другой стороны, в старости проявляет себя *кристалл детства*, неслучайно пожилые люди и дети великолепно понимают друг друга (вспомним пословицу, «что стар, что мал»).

Мир глазами ребенка — удивительное пространство, где обнаруживает себя архаика и бессознательные интуиции, помогающие увидеть суть бытия, его истинный образ и прогностически заглянуть в будущее. Сам автор, делая реверанс миру детства, подчеркивает: дети — это «те, кто понимает, что такое жизнь» [2, с. 18].

Именно Я-ребенок, при желании просыпаясь в Я-взрослом, заставляет взглянуть на небо, вопрошая о своем бытии: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?" И вы увидите: все станет по-другому...» [2, с. 91]. Мир детства способен исцелить мир взрослых от прозрачного Зла, являемого бездуховностью, имморализмом, потребительским отношением и бесцельным брожением по мирозданию. Ребенок учит инклюзивности как включенности в бытие, где имеют место культура соучастия, этичность проявлений и выказывание творческого начала. В этом отношении произведение Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» можно назвать экологично-исцеляющим: оно возвращает человека (ребенка/взрослого) в лоно естества, научая ценить каждое мгновение, нравственно и бережно относясь к окружающему миру и людям в нем.

Библиография

1. Иорданский В. Б. О структуре архаического коллективного представления // Вопросы философии. 2006. № 8. — С. 33–34.
2. Сент-Экзюпери А. де Маленький принц. — М.: Эксмо, — 2012. 96 с.

References

1. Jordanskii V. B. On the structure of the archaic collective representation // Problems of Philosophy. 2006. № 8. S. 33-34.
2. Saint-Exupery A. de Little Prince. M.: Eksmo, 2012. 96 p.